

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.9>

УДК 930.26(470+571)

ББК 63.48(2)

ТРАДИЦИИ СРЕДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКАХ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА 2-й ПОЛОВИНЫ II – 1-й ПОЛОВИНЫ V в. НАШЕЙ ЭРЫ

Владимир Юрьевич Малашев

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии,
Институт археологии РАН
malashev@yandex.ru
ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В курганных могильниках Прикаспийского Дагестана 2-й половины II – 1-й половины V в. н. э. прослеживается преемственность ряда традиций, восходящих к погребальному обряду среднесарматской культуры. Признаки этой культуры с течением времени в них постепенно трансформируются. Это осложнялось влияниями традиций позднесарматской культуры (ориентировка некоторых погребенных); более значимы – традиции населения раннесарматского времени: катакомбы типа II, узкие ямы и подбой, западная ориентировка погребенных. Наиболее важными были результаты контактов потомков носителей среднесарматской культуры с населением аланской культуры Северного Кавказа, проявившиеся в распространении катакомб типа I и формировании под их влиянием катакомб типа IV. Одновременно происходит резкое уменьшение доли захоронений в широких прямоугольных ямах и исчезновение диагонального положения погребенных (середина III – IV в. н. э.), приводя к формированию обрядового комплекса, фиксируемого в Львовских могильниках. Этот комплекс в 1-й половине – середине IV в. н. э. был перенесен его носителями с территории Терско-Сулакского междуречья в Южный Дагестан, где сохранился вплоть до 1-й половины – середины V в. нашей эры. На этом завершается процесс развития в регионе среднесарматского обрядового комплекса, впитавшего ряд традиций раннесарматского времени, существовавшего в условиях относительной изоляции от позднесарматских культурных влияний, но испытывавшего воздействие со стороны носителей аланской культуры. Учитывая также, что формирование аланской культуры происходит на основе культуры населения региона II в. до н. э. – I в. н. э. под воздействием среднесарматского миграционного импульса, представляется, что носители среднесарматских традиций при участии населения равнин центральных и восточных районов Северного Кавказа раннесарматского времени сыграли определяющую роль в культурно-исторических процессах 1-й половины I тыс. н. э. на данной территории.

Ключевые слова: среднесарматская культура, аланская культура, Северо-Восточный Кавказ, курганные могильники, погребальный обряд.

Материалы курганных могильников Прикаспийского Дагестана сарматского времени и эпохи Великого переселения народов отра-

жают процесс освоения степным населением Прикаспийского коридора, связывавшего государства Закавказья и кочевническо-ското-

водческий мир; значение этого коридора возрастает с первых веков нашей эры, что находит отражение в широком распространении памятников степного облика на данной территории. Особый интерес представляет вопрос культурной атрибуции этих могильников. От его решения зависит проблема, касающаяся того, носители какого именно культурного комплекса играли важную роль в культурно-исторических процессах 1-й половины I тыс. н. э. на равнинных территориях Северо-Восточного Кавказа. К материалам этих курганных могильников Прикаспийского Дагестана неоднократно обращались исследователи, высказывая мнения относительно их культурной атрибуции [1; 8; 10; 12; 14]. В данной работе есть смысл акцентировать внимание на роли традиций среднесарматского культурного комплекса, которые прослеживаются в погребальных памятниках рассматриваемой территории вплоть до гуннского времени.

Прежде чем перейти к рассмотрению курганных могильников 2-й половины II – 1-й половины V в. н. э., необходимо заметить, что собственно памятники среднесарматской культуры достаточно далеко заходят на юг северокавказских степей, порой находясь близко к предгорьям. До 90-х гг. прошлого века

было известно только одно захоронение среднесарматской культуры – у с. Ачикулак [11, с. 170]. Исследования 1990-х и 2000-х гг. дали более представительные материалы данной культуры в степях Северного Кавказа: Кобийский [5], Айгурский 2 [6], Бударка 3 [19]. В этих памятниках отсутствуют впускные захоронения, доминируют квадратные и широкие прямоугольные ямы, в основном с диагональным положением погребенного; узкие прямоугольные ямы и подбой – редки. Погребенные ориентированы в южный сектор. Хронологически погребения укладываются в рамки 2-й половины I – 1-й половины II в. нашей эры. Памятникам Терско-Сулакского междуречья территориально наиболее близки погребение у с. Ачикулак и Кобийский могильник. Представляется, что в степях Центрального и Северо-Восточного Кавказа начиная с I в. н. э. фиксируется присутствие носителей среднесарматской культуры.

Более поздний хронологический пласт, синхронизируемый в степи с позднесарматским временем, представлен материалами могильника Кохтебе 2 (рис. 1), датировка погребений которого может рассматриваться в рамках II (2-й половины ?) – 1-й половины III в. нашей эры [12; 13; 15]. Все исследованные по-

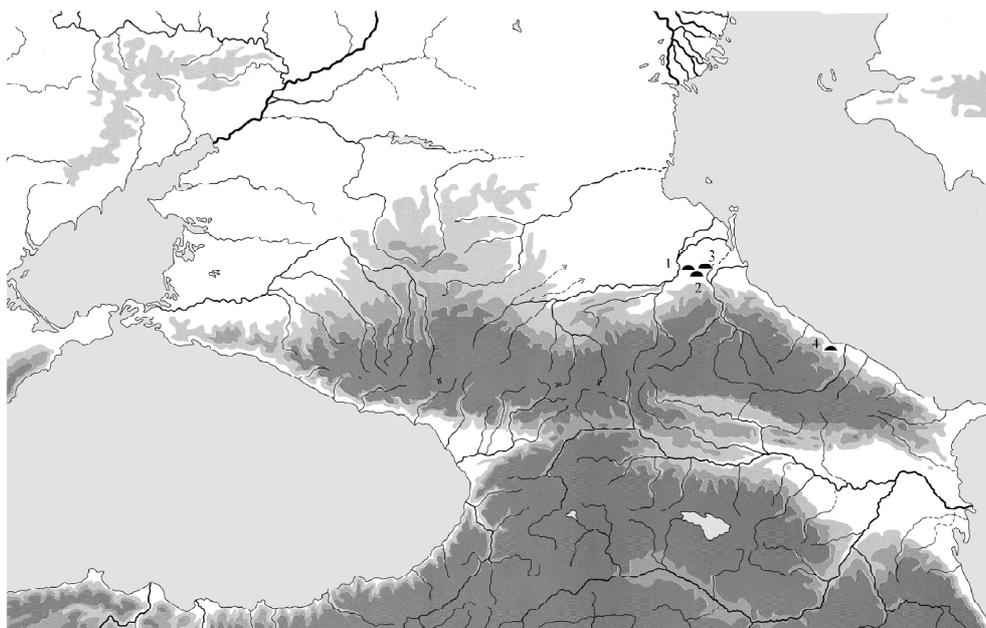

Рис. 1. Карта упоминаемых в статье памятников:

1 – могильник Кохтебе 2; 2 – могильник Львовский Первый 2; 3 – могильник Львовский Первый 3; 4 – могильник Паласа-сырт

гребеня (16 комплексов) совершены под индивидуальными насыпями. Формы погребальных сооружений достаточно переменны, но преобладают широкие прямоугольные (6) и квадратные (4) ямы (рис. 2); трижды захоронения совершены в узких прямоугольных ямах (рис. 3, 1) и трижды в катакомбах (рис. 3, 2–4). Широкие прямоугольные и квадратные ямы (10) – наиболее распространенный вид погребальных сооружений в могильнике – ориентированы сторонами по странам света с небольшими отклонениями; в одном случае

квадратная яма ориентирована углами по странам света. Длинные оси широких прямоугольных ям ориентированы меридионально. В шести случаях ямы были осложнены дополнительными конструкциями в виде различной конфигурации заплечиков: диагональные заплечики вдоль двух параллельных стенок (4) (рис. 2, б), диагональные заплечики у двух соседних стенок (1) (рис. 2, 2), диагональный заплечик у одной стенки (1). Преобладает положение погребенного по диагонали ямы (9); в одном случае фиксируется положение тела

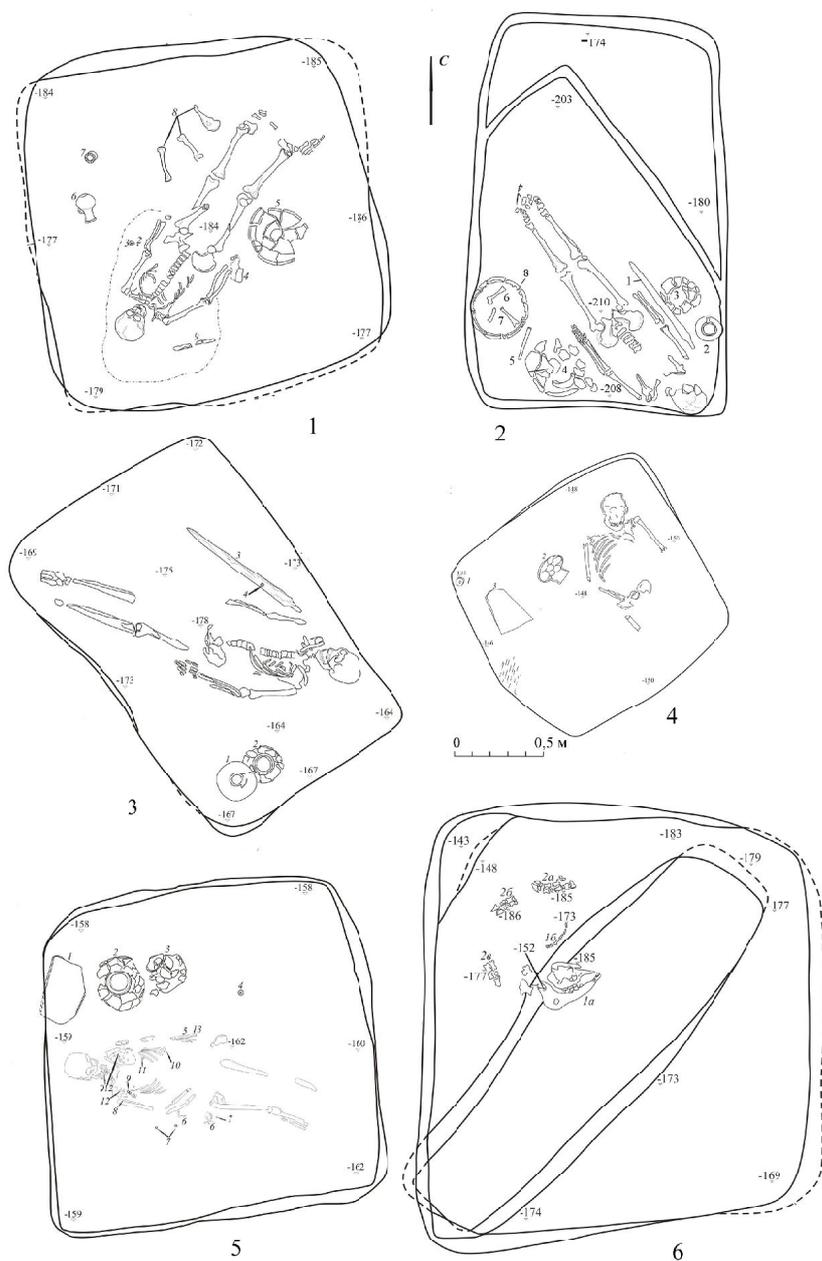

Рис. 2. Широкие прямоугольные и квадратные ямы могильника Кохтебе 2:
1 – кург. 39; 2 – кург. 3; 3 – кург. 5; 4 – кург. 2; 5 – кург. 4; 6 – кург. 8

со смещением вдоль одной из стенок (рис. 2, 4). Ориентировка погребенных нестабильна: в трех случаях они ориентированы головой в южный сектор (ЮВ – 2, ЮЗ), в трех случаях – в северный сектор (СЗ – 2, ССЗ), в одном случае – в западный сектор (ЗСЗ). Все погребенные были положены в вытянутом положении на спине; в двух курганах ноги первоначально находились в согнутом положении коленями вверх.

Особенности погребального обряда в широких прямоугольных и квадратных ямах, в том числе с конструкциями в виде заплечиков, генетически связаны с традициями среднесарматской культуры [9, с. 89; 20, с. 184–185]. К ним же восходит ориентировка погребенных в южный сектор [9, с. 91; 20, с. 184] и специфическое положение ног в согнутом положении коленями вверх. Ориентировка в северный сектор связана с традициями позднесарматской культуры. Достаточно редкий элемент конст-

рукции в степных памятниках – диагональная конструкция заплечиков. Для Волго-Донского междуречья можно указать лишь два случая: курган 2 могильника Терновский [23] и курган 22 могильника Сидоры [17]¹. Важно обратить внимание, что курган 22 Сидоры датируется позднесарматским временем (судя по инвентарю, 2-й половиной II – началом III в. н. э.); к позднесарматскому времени А.С. Скрипкиным отнесен и курган 2 Терновский. Таким образом, речь может идти о том, что подобная конструкция заплечиков является результатом трансформации среднесарматских традиций в позднесарматское время.

Узкие прямоугольные ямы (3) ориентированы длинными осями меридионально с незначительными отклонениями (рис. 3, 1). Погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой в южный сектор. Культурной специфики узкие прямоугольные ямы не демонстрируют. Показательной является

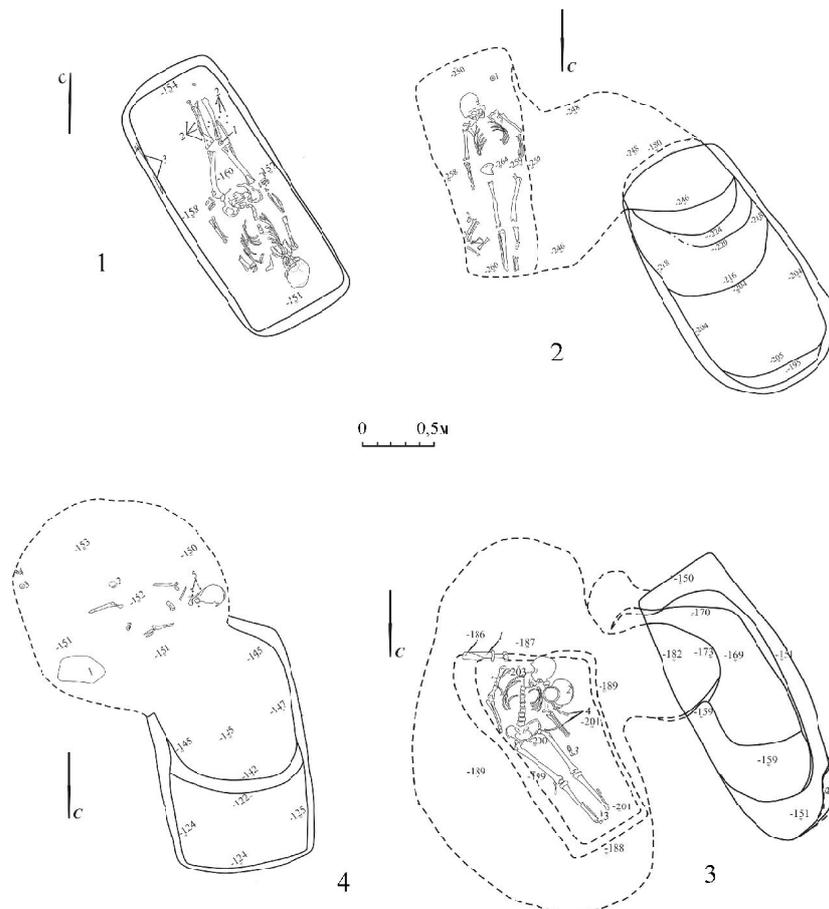

Рис. 3. Узкая прямоугольная яма (1) и катакомбы (2–4) могильника Кохтебе 2:

1 – кург. 37; 2 – кург. 41; 3 – кург. 38; 4 – кург. 46

лишь ориентировка в южный сектор, характерная для ранне- и среднесарматской культур [20, с. 179–187].

Катакомбы (3) не унифицированы и относятся к разным типам: типу IV по К.Ф. Смирнову (с параллельным соотношением длинных осей входной ямы и камеры) (рис. 3, 3); типу II/III (длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы) (рис. 3, 2); типу I (длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны) (рис. 3, 4). Входные ямы ориентированы меридионально; камеры расположены с ЮВ или с ЮОВ стороны входной ямы. Погребенные ориентированы головой на ЮЮВ (2) и на запад (1). Ориентировка в южный сектор характерна как для раннесарматской, так и среднесарматской культур. Западная ориентировка может соотноситься: 1) с традициями населения степей Северного Кавказа раннесарматского времени, о чем свидетельствует значительный блок захоронений III–I вв. до н. э., известных на территории от Закубанья до Прикаспийского Дагестана ([1, с. 30; 4, с. 34–35] и др. авторы); 2) с редкими случаями данной ориентировки в собственно среднесарматских погребениях [9, с. 91]. Катакомбы типа II связаны с традициями раннесарматской культуры. Катакомба типа I в данном культурном контексте может рассматриваться как результат трансформации из катакомб типа II: подобные процессы трансформации имели место в среде смешанного населения предгорной полосы Центрального Кавказа в III в. до н. э. – I в. н. э. (из типа II в тип I), а также у степного населения южноуральских степей в V–IV вв. до н. э. (из типа I в тип II) [18, с. 166]. Формирование катакомб типа IV происходит из подбоев, очевидно, под влиянием катакомб типов I и II [1, с. 84; 14, с. 154; 22, с. 78].

Таким образом, в погребальном обряде могильника Кохтебе 2 фиксируются следующие культурные компоненты: раннесарматский (катакомбы, узкие прямоугольные ямы, ориентировка в южный сектор, а также в западный), среднесарматский (квадратные и широкие прямоугольные ямы, диагональное положение погребенного, положение ног согнуто коленями вверх, ориентировка в южный сектор). Наблюдается незначительное влия-

ние позднесарматской культуры в виде ориентировки погребенных в северный сектор. При этом количественно и качественно преобладающий компонент – традиции среднесарматской культуры [12].

Опорными памятниками III–IV вв. н. э. для территории Терско-Сулакского междуречья являются Львовские могильники (рис. 1). Их анализу посвящен достаточно представительный блок работ [1; 2; 3; 8; 14]. Остановимся на наиболее важных для данной работы выводах, способствующих пониманию культурной атрибуции этих курганных могильников. Высокую степень близости обнаруживают между собой могильники Львовский Первый 2 и Львовский Первый 4. Погребения подкурганые, чаще совершены под индивидуальной насыпью; встречаются курганы, содержащие несколько погребений (два или три, в одном случае – четыре). Суммарно преобладают подбой с катакомбами типа IV и ямы; катакомбы типа I встречаются значительно реже (около 10 % в каждом могильнике). В подбоях (рис. 4, 5–7), катакомбах типа IV (рис. 4, 8–10) и ямах (рис. 4, 1–4) доминирует ориентировка погребенных в южный сектор; широтная ориентировка встречается значительно реже.

Многие обрядовые особенности этих некрополей ассоциируются с традициями среднесарматской культуры: во всех памятниках доминирует ориентировка погребенных в южный сектор; среди погребальных сооружений могильников Львовский Первый 2 и Львовский Первый 4 преобладают подбой (рис. 4, 5–7), а также широкие и средние по ширине прямоугольные ямы (рис. 4, 1–4); кроме этого, среди погребений могильника Львовский Первый 2 встречено диагональное захоронение [2, рис. 39, 1] (рис. 4, 4), также восходящее к традициям среднесарматской культуры. Таким образом, целый ряд признаков погребального обряда Львовских могильников связан с традициями среднесарматской культуры, которые сохраняются в позднесарматское время, в том числе и в степных памятниках Волго-Донского междуречья второй половины II – первой половины III в. нашей эры [21, с. 73, 103].

Но погребальный обряд Львовских могильников осложнен наличием в составе погребальных сооружений катакомб и в ряде случаев широтной ориентировки погребенных.

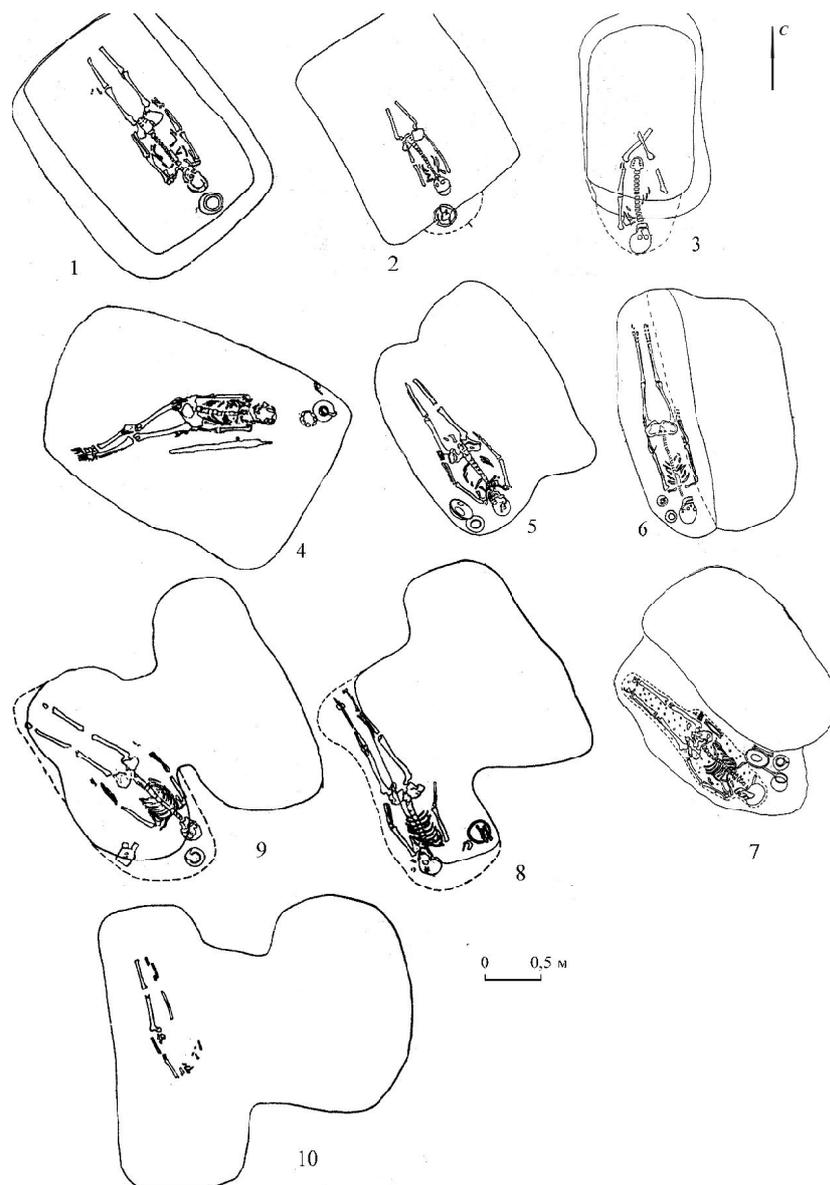

Рис. 4. Ямы (1–4), подбоя (5–7) и катакомбы типа IV (8–10) Львовского Первого 2 (по: [2]) и Львовского Первого 4 (по: [3]) могильников:

1–3 – Львовский Первый 4 (1 – кург. 50; 2 – кург. 46; 3 – кург. 28);
4–10 – Львовский Первый 2 (4 – кург. 49; 5 – кург. 51; 6 – кург. 6; 7 – кург. 1; 8 – кург. 47; 9 – кург. 75; 10 – кург. 43)

Широтная ориентировка погребенных, фиксирующаяся в ямах, подбоях и катакомбах типа IV, может быть как наследием погребальных традиций населения раннесарматского времени северокавказских степей, так и изредка встречающимися случаями данной ориентировки в собственно среднесарматских погребениях (см. выше). Это соотносится с наличием в составе могильника Львовского Первого 4 двух катакомб типа II и, возможно, с фактом достаточно широкого распространения катакомб типа IV (рис. 4, 8–10). Особня-

ком в контексте Львовских могильников стоят катакомбные сооружения, относящиеся к типу I. Данная группа погребений напрямую ассоциируется с древностями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа.

Таким образом, в рассматриваемых памятниках фиксируется доминирование среднесарматских культурных традиций (с отдельными чертами переживания традиций раннесарматского времени), осложненных традициями аланской культуры Северного Кавказа. Присутствие единичных погребений поздне-

сарматской культуры не оказало влияния на общий облик памятников. Формирование этих курганных некрополей относится к III в. н. э., время окончания их функционирования различно: Львовский Первый 4 перестает использоваться в IV в. н. э., Львовский Первый 2 – в первой половине V в. нашей эры.

Материалы, характеризующие финальную стадию рассматриваемого круга древностей и относящиеся к середине/второй половине IV – первой половине/середине V в. н. э., происходят, преимущественно, с территории Южного Дагестана. Опорным памятником здесь является Паласа-сыртский могильник, находящийся к югу от Дербента (рис. 1). Его материалы неоднократно публиковались, в том числе в виде монографических исследований [10; 16]. Кратко охарактеризую его основные обрядовые особенности.

Погребения в основном совершены под индивидуальной насыпью, но встречаются курганы, содержащие по два или три погребения. Среди исследованных погребений преобладают катакомбы типа I, составляющие 54 %. Ориентировка погребенных: Ю – 14 %, ЮЮЗ – 11 %, ЮЗ – 53 %, ЗЮЗ – 16 %, единичные случаи – 3 (трижды), ЗСЗ, ЮЮВ, ВСВ. В целом на ориентировки в секторе Ю – З приходится 97 % случаев. Катакомбы типа IV и подбои (рис. 5, 4–8) в совокупности составляют 30 %. Ориентировка погребенных: Ю – 30 %, ЮЮВ – 13 %, ЮВ – 41 %, ЮЗ – 5,5 %, ЮЮЗ – 5,5 %, единичные случаи – ВСВ, С и В. На сектор ориентировок Ю – В приходится 84 % случаев. Ямы составляют около 10 % (рис. 5, 1–3). Большая часть ям не имела дополнительных конструктивных элементов. У двух ям зафиксированы заплечики вдоль длинных сторон, у двух – небольшой подбой в южной стенке за головой погребенного (ср. рис. 4, 2, 3 и рис. 5, 2). Ориентировка всех погребенных в секторе Ю – ЮВ. По направлению ориентировок захоронения в ямах сближаются с погребениями в подбоях и катакомбах типа IV. Во всех формах погребальных сооружений доминировало вытянутое положение на спине погребенных; в ряде случаев прослеживается положение ног в согнутом положении коленями вверх, фиксируемое в виде так называемой позы «всадника» или завала ног в согнутом состоянии в сторону.

Группа погребений в катакомбах типа I сближается с погребальными сооружениями аланской культуры центральных районов Северного Кавказа. Группа погребений в катакомбах типа IV, подбоях и ямах восходит к обрядовым традициям Львовских некрополей (Львовский Первый 2, Львовский Первый 4) и генетически связана с ними [2; 3]. В подбоях, катакомбах типа IV и ямах этих некрополей доминирует ориентировка погребенных в южный сектор: в могильнике Львовский Первый 2 на долю ориентировок в секторе Ю – В приходится 82 % случаев; для могильника Львовский Первый 4 данные ориентировки составляют 54 %.

Материалы могильника Паласа-сырт в культурном отношении восходят к Львовским некрополям, генетически связаны с ними, частично синхронны, но в целом отражают следующий исторический период – финал позднесарматского времени и начало эпохи Великого переселения народов. Близость памятников типа Паласа-сырт и Львовских могильников уже подчеркивала М.П. Абрамова. Она писала о единой культурной основе этих памятников и считала Паласа-сыртский некрополь результатом перемещения населения, передвинувшегося из низовьев Сулака в более южные районы [1, с. 102–105]. Группа погребений в катакомбах типа IV, подбоях и ямах, а также ориентировка в них погребенных в секторе Ю – ЮВ в могильнике Паласа-сырт напрямую ассоциируются с материалами некрополей Львовский Первый 2 и Львовский Первый 4.

На основании имеющихся материалов можно говорить о культурном единстве Львовских некрополей и могильника Паласа-сырт. В основе их погребального обряда прослеживаются два компонента: один из них в конечном итоге восходит к несколько трансформированным традициям среднесарматской культуры, другой – к аланской культуре центральных районов Северного Кавказа. Различается количественная сторона. В Львовских могильниках преобладает компонент, связанный со среднесарматскими культурными традициями, в Паласа-сырте – с аланскими, хотя полного смешения традиций с выработкой новых обрядовых норм не происходит. Миграция в Южный Дагестан носителей аланс-

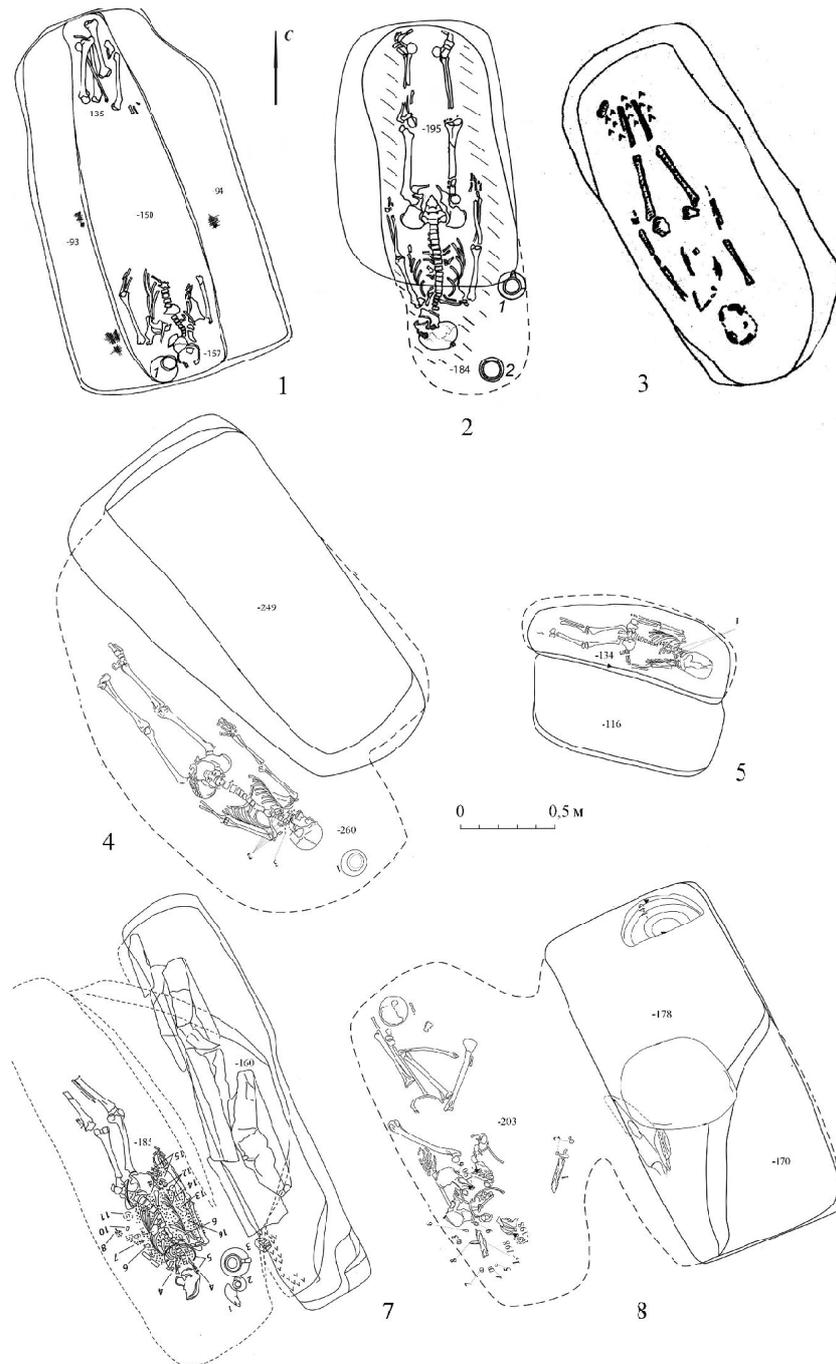

Рис. 5. Ямы, подбой и катакомбы типа IV Паласа-сыртского могильника:

1 – кург. 2299; 2 – кург. 2294; 3 – курган 21Гм; 4 – кург. 1245-1; 5 – кург. 1246-2; 6 – кург. 2285-1; 7 – кург. 1238 (3 – по: [10], остальные – по: [16])

кой культуры вместе с населением Терско-Сулакского междуречья, оставившим Львовские могильники, происходит в первой половине – середине IV в. нашей эры².

Своеобразие памятников Прикаспийского Дагестана (Паласа-сырт и Львовские некрополи) позволяет выделить их в самостоятельную культурную группу «памятники типа

Львовские – Паласа-сырт» в системе древностей восточноевропейской степи и Северного Кавказа позднесарматского и гуннского времени [12; 13]. Данное заключение подкрепляется специфическими чертами вещевого комплекса. Территория памятников этой группы на севере занимает Терско-Сулакское междуречье, на юге – Южный Дагестан. Хроно-

логические рамки – III – середина V в. нашей эры. Для III – конца IV в. н. э. основная масса памятников сосредоточена в северных районах Дагестана (Терско-Сулакского междуречья). В первой половине – середине IV в. н. э. значительная часть населения Терско-Сулакского междуречья вместе с мигрантами-носителями аланской культуры Северного Кавказа перемещается в Южный Дагестан, где оставленные ими памятники датируются серединой/второй половиной IV – 1-й половиной/серединой V в. нашей эры. При этом часть населения Терско-Сулакского междуречья в начале V в. н. э. еще продолжает оставаться на прежних местах и поддерживать контакты с мигрантами, о чем свидетельствуют вещи из ряда комплексов могильника Львовский Первый 2.

Подводя итоги, важно акцентировать внимание на наличие на территории Прикаспийского Дагестана курганных могильников, в погребальном обряде которых в позднесарматское время и в начале эпохи Великого переселения народов сохраняются традиции среднесарматской культуры. В этих некрополях прослеживается преемственность ряда традиций, восходящих в конечном итоге к признакам погребального обряда среднесарматской культуры. Однако диагностические признаки среднесарматской культуры, надежно прослеживаемые в памятниках собственно данной культуры, с течением времени постепенно изменяются, трансформируются. Незначительные влияния оказывали традиции позднесарматской культуры, что прослеживается на ориентировке нескольких погребенных из Кохтебе 2 и присутствии полутора десятков погребений в Львовских могильниках. Более значимым компонентом являлись традиции населения раннесарматского времени, оказывавшие воздействие на некоторые стороны обряда в некрополях Терско-Сулакского междуречья (Кохтебе 2, Львовские): катакомбы типа II, узкие прямоугольные ямы и подбои, западная ориентировка погребенных. Наиболее значимыми были результаты тесных контактов потомков носителей среднесарматской культуры с населением аланской культуры Северного Кавказа, проявившиеся в распространении катакомб типа I и формировании под их влиянием из подбоев катакомб

типа IV. Одновременно с этими изменениями происходит резкое уменьшение доли захоронений в широких прямоугольных ямах и исчезновение диагонального положения погребенных. Данный процесс начинается с середины III в. н. э. и практически завершается к IV в. н. э., приводя к формированию обрядового комплекса, фиксируемого в Львовских могильниках. Этот комплекс практически без изменений был перенесен его носителями с территории Терско-Сулакского междуречья в Южный Дагестан в результате миграции 1-й половины – середины IV в. н. э., где сохранился вплоть до 1-й половины/середины V в. нашей эры. Курганные могильники региона более позднего времени не дают никаких черт, сближающих их с памятниками типа Львовские – Паласа-сырт. На этом завершается процесс развития в регионе среднесарматского обрядового комплекса, впитавшего ряд традиций раннесарматского времени, существовавшего в условиях относительной изоляции от позднесарматских культурных влияний, но испытывавшего воздействие со стороны носителей аланской культуры Северного Кавказа.

Учитывая сказанное, а также то, что формирование аланской культуры Северного Кавказа происходит в среднесарматское время на основе культуры оседлого и кочевого населения региона II в. до н. э. – I в. н. э. под воздействием среднесарматского миграционного импульса, представляется, что носители среднесарматских традиций при участии населения равнин центральных и восточных районов Северного Кавказа раннесарматского времени сыграли определяющую роль в культурно-исторических процессах 1-й половины I тыс. н. э. на данной территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Выражаю благодарность М.В. Кривошееву за предоставленную информацию о данных комплексах.

² Ранее [7, с. 158–160; 13; 14] данная миграция мной была отнесена к началу эпохи Великого переселения народов. Однако пересмотр нижней хронологической границы Паласа-сыртского могильника на середину IV в. н. э. вносит коррективы и в отношении времени миграции [16].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИАР – Материалы и исследования по археологии России.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, М. П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры / М. П. Абрамова // МИАР. – № 8 : Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке / отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев. – М. : Таус, 2007. – С. 13–188.

2. Абрамова, М. П. Курганы Нижнего Сулака. Т. I / М. П. Абрамова, К. И. Красильников, Г. Г. Пятых // МИАР. – № 2. – М. : ИА РАН, 2000. – 140 с.

3. Абрамова, М. П. Курганы Нижнего Сулака. Т. II / М. П. Абрамова, К. И. Красильников, Г. Г. Пятых // МИАР. – № 4. – М. : ИА РАН, 2001. – 151 с.

4. Абрамова, М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.) / М. П. Абрамова. – М. : ИА РАН, 1993. – 240 с.

5. Бабенко, В. А. Сарматские погребения могильников Айгурский 2 и Барханчак 2 (Северное Ставрополье) / В. А. Бабенко, Я. Б. Березин // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. IX. – Ставрополь : Памятники исторической мысли, 2009. – С. 279–320.

6. Березин, Я. Б. Сарматские захоронения Кобийского могильника / Я. Б. Березин, Е. В. Ростунов // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 12 / отв. ред. Е. И. Нарожный. – Армавир : Центр археологических исследований АГПУ, 2011. – С. 60–107.

7. Габуев, Т. А. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / Т. А. Габуев, В. Ю. Малашев // МИАР. – № 11. – М. : Таус, 2009. – 468 с.

8. Гаджиев, М. С. Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албаносарматский период / М. С. Гаджиев. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – 156 с.

9. Глухов, А. А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. / А. А. Глухов. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2005. – 240 с.

10. Гмыря, Л. Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов / Л. Б. Гмыря. – Махачкала : ДНЦ, 1993. – 367 с.

11. Крупнов, Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиции

1952 и 1955 гг.) / Е. И. Крупнов // СА. – 1957. – № 2. – С. 154–173.

12. Малашев, В. Ю. Курганные могильники равнинной части центральных и восточных районов Северного Кавказа I–IV вв. н. э. / В. Ю. Малашев // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III : сб. ст. VII Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 132–134.

13. Малашев, В. Ю. Место курганных могильников Дагестана позднесарматского и гуннского времени в системе древностей Северного Кавказа и восточноевропейской степи / В. Ю. Малашев // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа : тез. докл. / отв. ред. М. Б. Мужухоев. – Магас : Пилигрим, 2010. – С. 233–236.

14. Малашев, В. Ю. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников / В. Ю. Малашев // Северный Кавказ в древности и в средние века / отв. ред. А. И. Османов. – Махачкала : ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – С. 152–170.

15. Малашев, В. Ю. Отчет об исследованиях курганного могильника Паласа-сырт в Дербентском районе и курганного могильника Кохтебе 2 в Бабаюртовском районе Республики Дагестан в 2009 г. / В. Ю. Малашев // Архив ИА РАН. – 2010. – Р-1, б/н.

16. Малашев, В. Ю. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. / В. Ю. Малашев, М. С. Гаджиев, Л. С. Ильюков. – Махачкала : ИД «Мавраевъ», 2015. – 452 с.

17. Мамонтов, В. И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской археологической экспедиции ЛО ИА АН СССР в Михайловском, Калачевском, Кумылженском районах Волгоградской области в 1972 г. / В. И. Мамонтов // Архив ИА РАН. – 1973. – Р-1. – № 4905, 4905а.

18. Мошкова, М. Г. Дромосные и катакомбные погребения Южного Приуралья савроматского и раннесарматского времени / М. Г. Мошкова, В. Ю. Малашев, Д. В. Мещеряков // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. VII Международная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / отв. ред. Л. Т. Яблонский, С. И. Лукьяшко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 162–167.

19. Мячин, С. В. Отчет об археологических раскопках курганных могильников «Тугулук 1–3» и «Бударка 3» в Грачевском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2008 г. / С. В. Мячин // Архив ИА РАН. – 2008. – Р-1. – № 36073, 36074.

20. Скрипкин, А. С. Азиатская Сарматия / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 300 с.

21. Скрипкин, А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры / А. С. Скрипкин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1984. – 149 с.

22. Смирнов, К. Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа / К. Ф. Смирнов // СА. – 1972. – № 1. – С. 73–81.

23. Шилов, В. П. Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 год / В. П. Шилов // Архив ИА РАН. – 1966. – P-1. – № 4625.

REFERENCES

1. Abramova M.P. Kurgannye mogilniki Severnogo Kavkaza pervykh vekov nashey ery [Burial Mounds of the North Caucasus (First Centuries A.D.)]. Kozenkova V.I., Malashev V.Yu., eds. *MIAR № 8: Severnyy Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke* [MIAR no. 8: North Caucasus and the World of Nomads in the Early Iron Age]. Moscow, Taus Publ., 2007, pp. 13-188.

2. Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G. Kurgany Nizhnego Sulaka [Mounds of the Lower Sulak]. *MIAR № 2* [MIAR no. 2]. Moscow, IA RAN Publ., 2000. 140 p.

3. Abramova M.P., Krasilnikov K.I., Pyatykh G.G. Kurgany Nizhnego Sulaka [Mounds of the Lower Sulak]. *MIAR № 4* [MIAR no. 4]. Moscow, IA RAN Publ., 2001. 151 p.

4. Abramova M.P. *Tsentrалное Predkavkazyе v sarmatskoye vremya (III v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Central Ciscaucasia in Sarmatian Times (3rd Century B.C. - 4th Century A.D.)]. Moscow, IA RAN Publ., 1993. 240 p.

5. Babenko V.A., Berezin Ya.B. Sarmatskie pogrebeniya mogilnikov Aygurskiy 2 i Barkhanchak 2 (Severnoe Stavropolye) [Sarmatian Burials of Aygursky 2 and Barhanchak 2 Burial Mounds (North Stavropol Region)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. IX* [Materials for the Study of Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus]. Stavropol, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009, pp. 279-320.

6. Berezin Ya.B., Rostunov E.V. Sarmatskie zakhорoneniya Kobiyskogo mogilnika [Sarmatian Burials of the Kobiysky Burial Mound]. Narozhnyy E.I., ed. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vyp. 12* [Materials and Research on the Archaeology of the North Caucasus. Iss. 12]. Armavir, Tsentr arkheologicheskikh issledovaniy AGPU, 2011, vol. 12, pp. 60-107.

7. Gabuev T.A., Malashev V.Yu. Pamyatniki rannikh alan tsentralnykh rayonov Severnogo Kavkaza

[Monuments of Early Alans of Central Regions of the North Caucasus]. *MIAR. № 11* [MIAR no. 11]. Moscow, Taus Publ., 2009. 468 p.

8. Gadzhiev M.S. *Mezhdru Evropy i Aziey. Iz istorii torgovykh svyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period* [Between Europe and Asia. From the History of Trade Relations of Dagestan in Albanian-Sarmatian Period]. Makhachkala, IIAE DNTs RAN Publ., 1997. 156 p.

9. Glukhov A.A. *Sarmaty mezhdurechya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n. e.* [Sarmatians of the Volga-Don Interfluvium in the 1st - the First Half of the 2nd Centuries A.D.]. Volgograd, Volgogradskoye nauchnoye izd-vo, 2005. 240 p.

10. Gmyrya L.B. *Prikaspiyskiy Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya* [Caspian Dagestan in the Era of the Great Migration]. Makhachkala, DNTs Publ., 1993. 367 p.

11. Krupnov E.I. Pervye itogi izucheniya Vostochnogo Predkavkazyа (po materialam ekspeditsii 1952 i 1955 gg.) [The First Results of Studying the Eastern Ciscaucasia (Based on the Materials of Expeditions in 1952 and 1955)]. *Sovetskaya arkheologiya*, 1957, no. 2, pp. 154-173.

12. Malashev V.Yu. Kurgannye mogilniki ravninnoy chasti tsentralnykh i vostochnykh rayonov Severnogo Kavkaza I–IV vv. n. e. [Burial Mounds of the Plain Part of the Central and Eastern Regions of the North Caucasus (1st-4th Centuries A.D.)]. Yablonskiy L.T., Lukyashko S.I., eds. *Pogrebalnyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Vyp. III: sb. st. VII Mezhdunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii”* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia: Proceedings and Research on the Archaeology of the South of Russia. Iss. 3. Collected Works of the 7th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011, pp. 132-134.

13. Malashev V.Yu. Mesto kurgannykh mogilnikov Dagestana pozdnesarmatskogo i gunnskogo vremeni v sisteme drevnostey Severnogo Kavkaza i vostochnoevropeyskoy stepi [Location of Burial Mounds in Dagestan of the Late Sarmatian and Hun Times in the System of Antiquities of the North Caucasus and Eastern European Steppe]. Muzhukhоеv M.B., ed. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kultur Severnogo Kavkaza. XXVI “Krupnovskie chteniya” po arkheologii Severnogo Kavkazka: tezisy dokladov* [The Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Monuments and Cultures of the North Caucasus. 26th “Krupnov Readings” on the Archaeology of the North Caucasus. Theses of Reports]. Magas, Piligrim Publ., 2010, pp. 233-236.

14. Malashev V.Yu. O kulturnom edinstve Palasa-syrtskogo i Lvovskikh kurgannykh mogilnikov [On the Cultural Unity of the Palasa-Syrt and Lvov Burial Mounds]. *Severnyy Kavkaz v drevnosti i v srednie veka* [North Caucasus in Ancient Times and in the Middle Ages]. Makhachkala, IIAE DNTs RAN Publ., 2008, pp. 152-170.

15. Malashev V.Yu. Otchet ob issledovaniyakh kurgannogo mogilnika Palasa-syrt v Derbentskom rayone i kurgannogo mogilnika Kokhtebe 2 v Babayurtovskom rayone Respubliki Dagestan v 2009 g. [Report on the Research of the Palasa-Syrt Burial Mound in Derbent Region and the Kokhtebe 2 Burial Mound in the Babayurtovsky Region in the Republic of Dagestan in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, 2010, R-1, b/n.

16. Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Ilyukov L.S. *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogilniki Prikaspiyskogo Dagestana III-V vv. n. e.* [Mascoutis Country in the Western Caspian Region. Burial Mounds of the Caspian Dagestan in the 3rd-5th Centuries B.C.]. Makhachkala, ID "Mavraev" Publ., 2015. 452 p.

17. Mamontov V.I. Otchet o rabote Privolzhskogo otryada Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii LO IA AN SSSR v Mikhaylovskom, Kalachevskom, Kumylzhenskom rayonakh Volgogradskoy oblasti v 1972 g. [Report on the Volga Detachment of the Volga-Don Archaeological Expedition of the Leningrad Department of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in Mikhailovsky, Kalachevsky, Kumylzhensky Districts of the Volgograd Region in 1972]. *Arkhiv IA RAN*, 1973, R-1, no. 4905, 4905a.

18. Moshkova M.G., Malashev V.Yu., Meshcheryakov D.V. Dromosnye i katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralya savromatskogo i rannesarmatskogo vremeni [Dromos and Catacomb Burials of Sauromatian and Early Sarmatian Times in

the Southern Urals]. Yablonskiy L.T., Lukyashko S.I., eds. *Pogrebalnyy obryad rannikh kochevnikov Evrazii: materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii. Vyp. III: sb. st. VII Mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [The Funeral Rite of the Early Nomads of Eurasia: Proceedings and Research on the Archaeology of the South of Russia. Iss. 3. Collected Works of the 7th International Conference "Problems of Sarmatian Archeology and History"]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN 2011, pp. 162-167.

19. Myachin S.V. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh kurgannykh mogilnikov "Tuguluk 1-3" i "Budarka 3" v Grachevskom i Kochubeevskom rayonakh Stavropolskogo kraya v 2008 g.* [Report on the Archaeological Excavations of Burial Mounds "Tuguluk 1-3" and "Budarka 3" in the Grachevsky and Kochubeevsky Districts of the Stavropol Region in 2008]. *Arkhiv IA RAN*, 2008, R-1, no. 36073, 36074.

20. Skripkin A.S. *Aziatskaya Sarmatiya* [Asian Sarmatia]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1990. 300 p.

21. Skripkin A.S. *Nizhnee Povolzhye v pervye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries A.D.]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1984. 149 p.

22. Smirnov K.F. Sarmatskie katakombnye pogrebeniya Yuzhnogo Priuralya, Povolzhya i ikh otnoshenie k katakombam Severnogo Kavkaza [Sarmatian Catacomb Burials of the Southern Urals, the Volga Region and Their Relation to the Catacombs of the Northern Caucasus]. *Sovetskaya Arkheologia*, 1972, no. 1, pp. 73-81.

23. Shilov V.P. Otchet Astrakhanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii za 1966 god [The Report of the Astrakhan Archaeological Expedition for 1966]. *Arkhiv IA RAN*, 1966, R-1, no. 4625.

TRADITIONS OF THE MIDDLE SARMATIAN CULTURE IN BURIAL MOUNDS OF THE CASPIAN DAGESTAN IN THE SECOND HALF OF THE 2nd - FIRST HALF OF THE 5th CENTURY A.D.

Vladimir Yuryevich Malashev

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Department of Scythian and Sarmatian Archaeology,
Institute of Archaeology, RAS
malashev@yandex.ru
Dm. Ulyanova St. 19, 117036 Moscow, Russian Federation

Abstract. The continuity of a number of the traditions which are going back to a funeral ceremony of Middle Sarmatian culture is observed in the burial grounds of Caspian Dagestan dating back to the second half of the 2nd - first half of the 5th centuries. The signs of this culture are gradually transformed in these traditions. It was complicated by the influences of

traditions of Late Sarmatian culture (orientation of some corpses); the traditions of early Sarmatian population are more significant: catacombs of type II, narrow pits and loculuses, the western orientation of the corpse. The author highlights the major importance of the results of contacts between the descendants of the Middle Sarmatian culture and the population of Alan North Caucasus culture, manifested in the spread of the catacombs of type I and the formation of the catacombs of type IV under their influence. At the same time there is a sharp decrease in the proportion of burials in narrow rectangular pits and the disappearance of the diagonal position of corpses (middle 3rd-4th Centuries A.D.), that leads to the formation of a ritual complex, fixed in Lvovsky cemeteries. This complex was moved from its native territory of the Terek-Sulak interfluvium to the Southern Dagestan in the 1st half - the middle of the 4th century A.D., where it was preserved until the 1st half - the middle of the 5th century A.D. This completes the process of development of the Middle Sarmatian ritual complex in the region which absorbed a number of traditions of Early Sarmatian time. The complex existed in relative isolation from the late cultural Sarmatian influences, but it was affected by bearers of Alan culture. Considering also that formation of Alan culture passed on the basis of culture of the population of the region in the 2nd century B.C. - 1st century A.D. under the influence of a middle Sarmatian migratory impulse, the author assumes that carriers of the Middle Sarmatian traditions with the assistance of the population of plains of the central and East regions of the North Caucasus of early Sarmatian time played the defining role in cultural and historical processes of the 1st half of 1st millennium A.D. in this territory.

Key words: Middle Sarmatian culture, Alanian culture, North-East Caucasus, burial mounds, burial ritual.